

ИЗМЕНЕНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются проблемы передачи персональных характеристик текстов детской литературы при переводе с английского языка на русский. Оценка изменений этих характеристик производится с помощью определенных лингвоаксиологических параметров.

Ключевые слова: художественный текст, персональность, дейксис, перевод.

Одной из основных проблем передачи средств персонального дейксиса с английского языка на русский является традиционная проблема соотношения местоимения второго лица ед. ч. *you* и русских местоимений *ты/Вы*. Данная проблема рассматривается в работах Е. В. Падучева, В. Н. Карпухиной [1, 2]. Ключевым лингвоаксиологическим параметром при оценке переводческих трансформаций подобного рода будет сохранение/изменение социально-коммуникативного статуса персонажа художественного текста.

Выбор так называемого множественного вежливости в когнитивной ситуации общения с незнакомым человеком для русского языка является обязательным, в современном английском языке оппозиция *ты – Вы* снимается (существует единая во всех числах форма *you*). Заглавное *You* используется крайне редко, в основном в притяжательных местоимениях, относящихся к лицам, обладающим не просто высоким, а высшим социально-коммуникативным статусом (*Your Majesty*). Переводчики текстов детской литературы с английского на русский язык в большинстве случаев тоже снимают эту «оппозицию вежливости», по сути, производя операцию культурного трансфера [3]. Эта «оппозиция вежливости» удачно обыгрывается в переводе «Приключений Алисы в Стране чудес», сделанном Б. Заходером: Алиса как воспитанная английская девочка обращается ко всем существам на *Вы* (хотя в тексте это местоимение дается со строчной буквы), а все они, кроме нескольких исключительных ситуаций торжественно-иронического обращения, зовут ее, как взрослый ребенка, на *ты*, сохраняя социальную и возрастную дистанцию. Однако этот текст перевода английской детской художественной литературы, скорее, исключение из правил, где переводчик сохраняет верность дореволюционной традиции повсеместного употребления «множественного вежливости».

Изменение норм вежливости, уравнивание собеседников в социальном и коммуникативном статусе приводит и к глобальному изменению нормы переводческой речи в отношении «множественного вежливости»: в большинстве текстов детской литературы, переведенных на русский язык, пер-

сонажи не обращаются друг к другу на *Вы*, даже если тексты оригинала созданы в начале XX в. и в идеале должны сохранять коммуникативные нормы времени своего создания (ср. рассуждения об элитарной русской речевой культуре в рамках эпистолярного жанра в работе А. В. Курьянович [4]). Сложно представить с точки зрения современных норм речевого этикета Кристофера Робина, обращающегося на *Вы* к отцу-рассказчику, или Питера Пэна, обращающегося на *Вы* к Венди или к капитану Крюку. В ситуации следования нормам речевого этикета начала XX в. даже друзья Винни-Пуха должны были обращаться друг к другу на *Вы*. Сегодня эксперимент переводчика В. Вебера по внесению иерархических отношений в коммуникативную среду Винни-Пуха и его друзей выглядит по меньшей мере странно: Пух обращается к Сове на *Вы*, видимо, как к старшей по возрасту и более умной, срабатывает инерция мультфильма, сделавшего из недоучившегося школьника по имени *Owl* «учительницу на пенсии» [5, 6]. Данное разграничение социального и возрастного статуса персонажей не может быть оценено как прагматически успешное, хотя именно оно привело к нашей переоценке новых норм речевого этикета, заложенных переводчиками детской художественной литературы на русский язык.

Повышение социального статуса Винни-Пуха (его посвящение в рыцари) в финале второй повести Милна осознается персонажем как событие, касающееся в том числе и сферы речевого этикета. Иерархическое положение Рыцаря определяется Кристофером Робинем как *Король > Рыцарь > Купец (Мытарь* в переводе В. П. Руднева), но в самом английском тексте посвящения трудно увидеть изменение дейктических средств выражения нового статуса: *And he took a stick and touched Pooh on the shoulder, and said, «Rise, Sir Pooh de Bear, most faithful of all my Knights». So Pooh rose and sat down and said «Thank you», which is the proper thing to say when you have been made a knight* [6, p. 201]. Единственной подсказкой могло бы стать местоимение *you* во фразе «*Thank you*», но английский язык избегает в этом случае однозначной интерпретации дейктического элемента. И если все переводчики

избирают в начале фразы-посвящения ед. ч. обращения (*Встань, сэр Винни-Пух де медведь / сэр Пух де Бэр / сэр Винни де Пух*), то авторская стратегия избегания определенности в варианте вежливого ответа тоже переносится во все тексты перевода: «Спасибо». Возможные интерпретационные варианты «*благодарю тебя*» (*Рыцарь* становится равен *Королю*) или «*благодарю Вас*» (*Рыцарь* принимает вассальный статус) в русских текстах, к сожалению, не возникают.

Еще одна область переводческих трансформаций текста на дейктической оси персональности – так называемая область гендера персонажей иноязычной литературы, не являющихся людьми. Актуальная для сегодняшних социокультурных исследований тема гендера применительно к детской литературе в западной версии разрабатывается в области «внешнетекстовых связей»: исследователи изучают проблемы восприятия и интерпретации детских текстов с точки зрения гендерных отношений [8, 9]. Однако проблема, связанная с решением переводческих задач в этой области, в отечественной лингвистической традиции изучена пока еще недостаточно [5, 10, 11]. Основным лингвоаксиологическим параметром при оценке переводческих трансформаций подобного рода будет сохранение/изменение гендерной принадлежности персонажа. Стоит согласиться с М. Елиферовой в том, что «существует особая область, в которой русские переводчики традиционно ведут себя очень вольно и которая очень мало подвергается концептуальному осмыслению. Это гендерные характеристики персонажей англоязычной литературы, не являющихся людьми (животных, аллегорических и мифологических образов)» [5, с. 255]. Рассматривая в своих критических заметках индивидуальные характеристики персонажей (образов) не только англоязычной детской художественной литературы, но и традиционные проблемные ситуации из художественных текстов немецкой и французской литературы в традиционных же переводах, М. Елиферова не слишком справедливо полагает, что «большинство переводчиков данную проблему решать даже и не пытаются» [5, с. 265]. К моменту выхода ее статьи уже существовали как минимум два альтернативных варианта переводов текстов детской художественной литературы (модернистский и постмодернистский), в которых эта проблема осознанно ставилась и решалась переводчиками с разной степенью прагматической эффективности.

В 1998 г. в новом полном переводе «Книги джунглей» Е. Перемышлев как общий редактор перевода решает вернуть «законный мужской род» одному из персонажей повествования о Маугли, называя его *Черный Зверь Багира* (*he, Bagheera* в

тексте оригинала). Однако переводчик, гордясь результатом своего мыслительного процесса, все-таки оставляет место сомнениям в эффективности собственных решений [10]. По крайней мере, прямых обвинений переводчицы «Маугли» Н. Дарузес в неверности выбора ж. р. персонажа, Багиры, и катастрофических последствий этого выбора для менталитета носителей русского языка в размышлениях Е. Перемышлева нет: как уважающий себя и своих оппонентов постмодернист, он лишь предлагает собственный вариант перевода.

Чуть раньше, в 1994 г., вышел новый (модернистский по установкам и постмодернистский по времени существования) перевод «Винни-Пуха», выполненный В. П. Рудневым. Именно в нем, с нашей точки зрения, была заложена идея возможности плюрализма переводов текстов детской художественной литературы, существующих в традиционных версиях (до этого текста подобный плюрализм переводов был свойственен единственному тексту английской детской литературы – кэрролловским повестям о приключениях Алисы). Обвиняя Рудневу в насыщении текста перевода непристойностями, плохом переводе и непонимании текста [5, с. 254–255], исследовательница не видит или не желает видеть, что базовый принцип ее собственной работы заимствован именно из рудневского «Обоснования перевода». Попытка посмотреть на вошедший в дискурс русского детского чтения, уже превратившийся в прецедентный текст перевода Заходера с позиций современных лингвистических и философских парадигм воспринимается М. Елиферовой как покушение на священные устои «правильного перевода». При этом сам Руднев оценивает результат деятельности своего предшественника Заходера положительно и отзываясь о нем с глубоким уважением, хотя его собственный метод перевода полностью противоположен методу его оппонента.

Однако вряд ли стоит соглашаться с рудневской версией перевода в том случае, когда он пытается представить основного персонажа повестей Милна как бикультурное (*Winnie Пух*) и двуполое существо (*Winnie* – имя девочки, гипокористика от *Winifred* [11]), поскольку в тексте оригинала данная часть имени была производной от имени медведицы в Лондонском зоопарке, рассказчик это забавно обыгрывает в начале повествования об игрушечном медведе [7]. Но, поскольку на протяжении всего остального текста повестей данная языковая игра с именем больше не возобновляется, можно предположить, что она была не столь существенной для авторской стратегии определения гендерных характеристик персонажа, и Руднев в данном случае гораздо больше добавляет от «лукавого Фрейда» в свою интерпретацию (но не в

текст перевода). С версией М. Елиферовой («Будь это русский медведь, его бы, возможно, звали Оля Пыхович» [5, с. 264]) вряд ли смог бы согласиться даже Руднев, переводческую концепцию которого она так успешно доводит до абсурдного финала.

В этом смысле даже достаточно смелые лексические или грамматические эксперименты переводчиков указывают на необходимость постановки и решения проблемы гендерной принадлежности персонажей текстов детской художественной литературы, поскольку чаще всего эти персонажи в текстах оригинала относятся к мужскому полу. Девочки и дамы допускаются в «мужскую викторианскую компанию» только как хранительницы очага, исполняющие или имитирующие исполнение роли матери, не выходящей за пределы викторианской логики и социокультурных стандартов поведения (ср. появление в Стоакровом Лесу Кенги или назначение Венди всеобщей «мамой» на острове Нетинебудет в повести о Питере Пэне).

Следующая трансформация текстов переводов на оси персональности связывается нами с изменением речевых и интерпретационных норм в ситуации перевода. Основным лингвоаксиологическим параметром при оценке переводческих трансформаций подобного рода будет сохранение/изменение типа нарратива в тексте перевода. Не останавливаясь подробно на проблеме взаимодействия в тексте оригинала и тексте перевода повествователя, потенциального читателя и самих персонажей текстов (хотя эта проблема, безусловно, представляет большой интерес), отметим лишь, что для рассматриваемых нами текстов детской художественной литературы характерен по большей части перволичный нарратив с так называемым прагматически мотивированным эксплицитным, диегетическим, или принадлежащим миру текста, повествователем [1, с. 202–203]. Именно эта перволичная форма традиционного нарратива чаще всего и определяет настоящее время «рамочных конструкций» повествования в детской литературе, она же предполагает и постоянное обращение даже не к читателю, а к актуальному слушателю (тексты такого рода впервые могут быть восприняты ребенком на слух и лишь позже прочитаны). Во всех рассматриваемых нами текстах нарративная ситуация передается при переводе абсолютно адекватно, но хотелось бы рассмотреть исключение из «общего нарративного правила», когда в повествование включается еще и «голос переводчика», нарушающий узальную норму перевода. В ситуации модернистского перевода текстов повестей Милна В. П. Руднев сознательно использует стратегию остранения (противопоставленную стратегии адаптации, «одомашнивания»), активно используемой практически всеми переводчиками детской

художественной литературы – Н. Демуровой, Б. Заходером, С. Маршаком, К. Чуковским, А. Волковым, Н. Дарузес и т. д. [12, р. 167]. Руднев, насыщая текст перевода «Винни-Пуха» коммуникативными фрагментами английского языка, данными латиницей или транскрибированными, сохраняя синтаксические конструкции английских предложений и порядок слов в них, не изменяя английскую пунктуацию и т. п., создает некий гибридный (или креолизованный) текст, который явно свидетельствует о своей неаутентичности русскоязычной культуре и русскому языку. Данная задача являлась одной из основных переводческих задач Руднева при создании аналитического текста перевода, успешно примененного на практике. В рассматриваемом тексте перевода читатель (предполагается, что это компетентный, искушенный читатель-лингвист/филолог/семиотик, непременно владеющий английским языком) видит некую новую норму существования переводного текста и слышит имплицитный, но, безусловно, важный голос переводчика среди языковых партий повествователя и персонажей. Данный аспект реализации роли переводчика как субъекта-интерпретатора является релевантным для оценки результата его деятельности: если традиционно считалось, что переводчик как субъект (в особенности как субъект речи) должен в норме отсутствовать в тексте перевода, то модернистское противопоставление этому дает шанс переводчику на существование в тексте (хотя бы в качестве «закадрового», иронического, критического и комментирующего голоса). По традиционной переводческой норме переводческий комментарий выносится за пределы текста перевода (обратное, т. е. внутритекстовые экспликации, оценивается обычно отрицательно). В. П. Руднев в своей версии текста перевода пытается изменить сферу существования средств персонального дейксиса за счет того, что учитывается «голос переводчика» как один из основных субъектных координат текста перевода.

Таким образом, к основным проблемам передачи средств персонального дейксиса с английского языка на русский относятся проблемы поиска адекватных соответствий современных или устаревших местоимений 2-го л. ед. и мн. ч., гендерных соответствий при обозначении персонажей с помощью существительных мужского или женского рода и обозначение в тексте перевода языковой партии переводчика как фона для языковых партий повествователя и персонажей. Первая и вторая проблемы разрешимы, и достаточно успешно, как с позиций традиционной теории перевода, так и в рамках модернистской и постмодернистской парадигм переводческого знания (в двух последних эти проблемы решаются с большей долей изобретательности, хотя переводчики не всегда достигают

при этом необходимого коммуникативно-прагматического эффекта от текста перевода). Постановка последней проблемы была осуществлена в пределах модернистской парадигмы перевода в то время, когда господствующей в отечественной литературе была уже парадигма постмодернизма. С нашей точки зрения, решение задачи обозначения места переводчика в тексте перевода зависит от принадлежности переводчика-интерпретатора к парадигмам знаний о переводе, противопоставляющих себя традиционным методам перевода тек-

стов детской художественной литературы. Смена потенциальной аудитории результирующего текста, необходимость обширного обоснования и комментирования такого типа перевода, ориентированного на узкую аудиторию специалистов, делают изменения, произведенные в этом случае в тексте перевода В. П. Руднева, слишком существенными, чтобы данная трансформация текста на оси персонального дейксиса была признана работающей на достижение адекватности текста перевода тексту оригинала.

Список литературы

1. Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Карпухина В. Н. Аксиологические стратегии текстопорождения и интерпретации текста. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. 141 с.
3. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 23–27.
4. Курьянович А. В. Элитарная речевая культура в зеркале отечественной эпистолярной традиции // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 76–80.
5. Елиферова М. «Багира сказала...». Гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах // Вопросы литературы. 2009. № 2. С. 254–277.
6. Карпухина В. Н. Способы интерпретации художественного текста при его переводе в разные семиосферы: учеб.-метод. пос. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 35 с.
7. Milne A. A. Winnie-the-Pooh. The House at Pooh Corner // Милн А. А. Винни-Пух=Winnie-the-Pooh. На англ. и русск. яз. / пер. с англ. В. А. Вебера, стихи в пер. Н. В. Рейн. М.: Радуга, 2003. Р. 5–202.
8. Scott MacLeod A. Censorship and children's literature // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. L.; N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. P. 120–131.
9. Segel E. "As the Twig Is Bent...": gender and childhood reading // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. by P. Hunt. Vol. 3: Cultural Contexts. L.; N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. P. 187–207.
10. Перемышлев Е. В. Комментарии // Книга Джунглей. Стихотворения и баллады / Р. Киплинг. М.: Олимп; Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. С. 397–448.
11. Руднев В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. М.: Аграф, 2000. 320 с.
12. Eco U. The Open Work. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989. 285 p.

Карпухина В. Н., кандидат филологических наук, доцент.
Алтайский государственный университет.
Пр. Ленина, 61, Барнаул, Алтайский край, Россия, 656049.
E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12.09.2011.

V. N. Karpukhina

THE FICTION TEXTS PERSONAL CHARACTERISTICS CHANGES IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION: THE COGNITIVE AXIOLOGY ASPECT

The article considers changes in the personal characteristics of children's literature translated from English into Russian. The evaluation of these changes is based on the definite axiological linguistics parameters.

Key words: *fiction text, personality, deixis, translation.*

Altay State University.
Pr. Lenina, 66, Barnaul, Altay region, Russia, 656049.
E-mail: vkarpuhina@yandex.ru